

22 АВГ 1973

4 * Брянский комсомолец

ДЕСЯТЬ лет назад о нем писали, говорили, спорили. Юный красавец Ихтиандр, герой фильма «Человек-амфибия», на какое-то время стал героем дня.

Ну, а как сложилась дальнейшая творческая судьба Владимира Коренева, сыгравшего Ихтиандра, в то время студента ГИТИСа?

— После окончания вуза меня пригласили в Московский драматический театр имени Станиславского. Главным режиссером тогда был народный артист СССР Яншин. Он научил меня беззаветно любить театр, показал его преимущество перед кинематографом.

— Вы уверены, что они существуют?

— Я актер сцены, потому и защищаю «свой цех». Театр с его камерностью имеет больше преимуществ в том смысле, что он пристальнее вглядывается в «жизнь человеческого духа», по выражению Пушкина, в людские судьбы. Кинематограф перенасыщен информацией. Порою это делается в ущерб психологизму. Развитие техники расширяет изобразительные средства кино. Но, по моему, пользоваться ими следует в меру. Традиции театра, его реализм, мне кажется, более правдиво несут зрительно авторские идеи, особенно классику.

— Но ведь вы, так сказать, «выросли из кинематографа», получили благодаря ему широкую известность. Я имею в виду «Человека-амфибию».

— Три года после этого фильма я не снимался в кино, хотя предложенный было предостаточно.

Моя первая работа в кино была напкой о двух концах. С одной стороны, популярность, с другой — на меня стали смотреть как на типаж, предлагали повторять «голубизну» Ихтиандра, даже писали сценарии в расчете на то, что я сыграю некоего осовремененного Тарзана. Но типаж — это бесконечно сывно. Хотя, не скрою, типажных актеров, особенно среди молодых исполнителей, к

ПРОШЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ...

сожалению, немало. Я искал характерной роли, а мне предлагали «голубые». До тех пор, пока замечательный кинорежиссер Пырьев не «риснул» предложить мне Виктора, отрицательного персонажа в фильме «Свет далекой звезды». Я прямо-таки радовался, играя этого подонка. Пырьев помог мне обрести веру в творческие возможности, раздвинуть границы амплуа.

— Но вскоре состоялась встреча и с другим Виктором — в ленте «Дети Дон-Кихота» — с положительным и снова... обаятельным.

— Однако не сусальным, а добрым, отзывчивым. Он был достойным сыном доктора Бондаренко, которого играл прекрасный артист Папанов.

— Положительным был и еще один ваш герой — художник Гельд в картине «Сыны Отечества».

— Работа в фильме

принесла удовлетворение. Это был настоящий образ, выигранный для актера. Тут я стремился проследить судьбу узника Бухенвальда, прошедшего сложный путь от неверия к сознательному протесту против фашизма. Тема минувшей войны — богатый материал. В заключительной серии эпопеи «Освобождение» — «Битва за Берлин» — я играю капитана Неустроева. Он из числа тех, кто отстаивал свободу и независимость нашей страны. Неустроев отлично воюет, метко стреляет. Но жаль, что материал фильма не дал мне достаточной возможности раскрыть характер героя.

— В новом фильме «Много шума из ничего» вы снялись в роли Дона Хуана. Что скажете об этой работе?

— Встречи с классической всегда волнуют. Драматургия Шекспира отличается предельной точ-

ностью характеристик персонажей. О моем герое сказано: «Он очень меланхолического нрава». В этих словах — ключ к образу. И потому я играл Дона Хуана как «молчаливого злодея».

— На театральной сцене вы сыграли более 40 ролей. Из текущего репертуара, например, Робин Гуд в одноименной пьесе, Фердинанд в шиллеровской трагедии «Коварство и любовь», князь Сергей Сокольский в пьесе-сценарии романа Достоевского «Подросток», Ленка в «Анне»...

— Театр дал мне работу, о которой я мечтал. На сцене я играю своих ровесников и людей старше меня, положительных героев и негодяев. Театр помог мне вырваться из железного плена типажности. А это главное.

— Почему вы все-таки редко снимаетесь?

— К современному кино у меня, как бы это сказать, сложное отношение. Помпезность, огромные массовки в иных фильмах действуют огне-

тающе. Стрельба и грохот выколачивают живой дух содержания. Обилие смертей на экране постепенно приучает зрителя к мысли, что трагедия — дело привычное. Это ужасно. Ведь искусство призвано помогать человеку, а не ошеломлять его. Настоящий гуманизм заключается в пристальном внимании к людям, а не в реках и разглагольствованиях на фоне взрывов.

— Я — за актерский кинематограф. Будь больше таких кинорежиссеров, как Райзман, который видит начало творческого процесса в психологии искусства, в индивидуальности актера-единицышленника, — я бы, наверное, чаще снимался... Честное слово, грустно быть пешкой на шахматной доске режиссера.

Интервью вел
Б. ВЕЛИЦЫН.
Фото автора.